

правда Украины. - Киев. - 1991. - 8 марта

ПОЭТ, ДРУГ ПОЭТА И ЦАРЬ-ИМПЕРАТОР

9 марта исполняется 177-я годовщина со дня рождения, 10 марта—130-я годовщина со дня смерти Т. Г. Шевченко

28 ноября 1861 года русский художник Михаил Микешин написал письмо на высочайшее имя. Он ходатайствовал перед всероссийским самодержцем об увековечении образа украинского поэта Тараса Шевченко.

ДОЛГОЕ ВРЕМЯ дружба между Микешиним и Шевченко замалчивалась. Даже такой серьезный биограф поэта, как Александр Конисский, утверждал, что «между Микешиним и Шевченко никакой дружбы не существовало, напротив...».

Но сначала несколько слов о Михаиле Осиповиче Микешине как о художнике. Он был великолепным рисовальщиком и скульптором, отменным живописцем. Его работы хранятся в Третьяковской галерее, в Русском музее и других крупнейших художественных хранилищах страны. Однако славен он, прежде всего, памятниками в Киеве и Новгороде. В Новгороде — «Тысячелетие России», в Киеве — бронзовый Богдан на площади у Софии. По проектам, рисункам и под руководством художника были созданы также памятники «Победам русского флота», адмиралам Корнилову, Нахимову и Истомину, славному нижегородцу Козьме Минину, Ермаку... Талантливый график, он иллюстрировал Пушкина и Некрасова, Гоголя и Шевченко, создал множество лубочных «картин для народа». Известен был и в краях иноземных: как автор проектов памятников «Португальской конституции» для Лиссабона, Жанне д'Арк для Домреми (Франция), Аврааму Линкольну для Вашингтона, Адаму Мицкевичу для Варшавы. Почетный член Сербской академии наук и искусств, член-корреспондент Берлинской и Лиссабонской академий художеств. И еще был он добрым, верным, искренним другом украинского Кобзаря.

ОБ ЭТОЙ дружбе свидетельствуют не только мемуары самого Микешина. Русский поэт Я. П. Полонский в воспоминаниях, опубликованных в пражском издании «Кобзаря», отметил: «Раз два Шевченко был у меня на квартире (в доме С.-Петербургского университета), и как мне помнится, оба раза заходил ко мне с господином Микешиним». Дело-производитель Академии художеств А. А. Благовещенский в статье «Шевченко в Петербурге» (опубликована в «Историческом вестнике») свидетельствовал, что «из художников Тарас Григорьевич был ближе всех к Микешину... и часто заходил к нему в мастерской, где тогда исполнялся памятник тысячелетия России». Фамилия Микешина упоминается и в «Дневнике» Шевченко.

Сам Микешин отмечал, что с Шевченко (после его возвращения из ссылки в Петербург) они виделись почти ежедневно. По словам художника, он и раньше «достойно читал» поэта, но «с момента первой встречи нашей в семействе бывшего президента Академии художеств, графа Федора Петровича Толстого, Шевченко поступил, так сказать, под мой наблюдющий и изучающий его взор».

Есть основания полагать, что Микешин познакомился с Шевченко сразу же на второй день после приезда поэта в Петербург, 30 марта 1858 года, когда Толстые устроили знаменитый обед в честь его возвращения из ссылки. Микешин был своим человеком в семействе Толстых и заблаговременно узнал о приезде Шевченко.

С того времени и до смерти поэта их дружба не прерывалась. «Светлая личность Тараса Григорьевича с его беззаветной любовью к народу, к своей родине, сохранившая свято эти высокие чувства под бесконечным гнетом всяких нравственных и физических невзгод, которыми так богата его жизнь, не могла не внушать чувства горячего сочувствия. Этим объясняется то огромное внимание, тот неподдельный восторг, которые внушала личность Шевченко в кругу молодежи того времени», — читаем в воспоминаниях Микешина.

Они просто не могли не сойтись. У них было много общего: оба родились в сельской глуши, на долю обоих выпало тяжелое детство, оба были настоящими художниками.

В издаваемом им самим журнале «Пчела» Микешин писал, что в лице Шевченко впервые явился перед ним «столь редкий и цельный тип чисто народного поэта, равно которому ни до него, ни после него и до настоящего времени я лично не знал — не только вообще в русской, но и вообще в славянской семье народов».

ПОСТУПКИ Микешина по отношению к Шевченко не расходились с его отзывами о нем. Об этом свидетельствует история с фризом памятника «Тысячелетие России».

Было решено изобразить на фризе, в рельефном кольце монумента, более ста фигур самых видных людей Отечества за тысячелетний период его исторического развития. Царь

Кобзарь.

Рис. М. Микешина.

утвердил список осенью 1860 года. А спустя несколько месяцев умирает Шевченко, и Микешин, не согласуя свое решение с заказчиком, вносит в список (в раздел «Писатели и художники») еще две фамилии — Гоголя и Шевченко. «Месяцеслов» за 1862 год помещает рисунок общего вида памятника и печатает список лиц, подлежащих изображению, среди них и фамилия Шевченко.

Микешина обвинили в «самоправстве». Заказчик решительно воспротивился против образов Шевченко и Гоголя. Тогда Микешин решился на последний шаг, весьма рискованный. Он обратился с письмом к императору Александру II. С достоинством художника и мужеством гражданина писал он о заслугах Шевченко и Гоголя перед отечеством, отстаивая их право быть изображенными на фризе памятника.

Цитирую:

«Шевченко, в смысле произведения изящного народного слова, сделал для Малороссии более, нежели кто-либо из наших поэтов, и еще при жизни своей своими песнями стяжал такую популярность, что не только в образованном кругу, но и едва ли найдется такая деревня в Малороссии, где бы не пели его песни или не знали его имени. Сочувствие всех слоев общества, высказанное к праху этого поэта на пути его из Петербурга на берега Днепра, слишком ясно указало, как ценит народ заслуги этого поэта. Основываясь на общем желании образованнейших представителей общественного мнения, не находя также в истории малороссийской народной поэзии более достойного представителя, я даже долгом своим счел: включая его, выразить, что мы, русские, считаем и Малороссию своим отечеством и всякое замечательное явление в области ее литературы считаем общим историческим ходом развития всего нашего отечества; что, помещая его, мы удовлетворя-

ем национальную гордость народа, ограждаем себя от упрека потомства в холодности единственному певцу Малороссии. Заслуги же Гоголя и его влияние на современную отечественную литературу так велики, что говорить за него я считаю лишним...».

Ходатайство на высочайшее имя не возымело действия: фамилию Шевченко исключили из списка (имя Гоголя было оставлено). В ответ на запрос Микешин категорически отказался поместить на памятнике скульптурную фигуру Николая I, отца императора. Разумеется, император настоял на этом, однако изображение Николая I на барельефном кольце выполнил другой скульптор, а не Микешин.

НОВОЙ попыткой увековечить образ Шевченко был замысел Микешина изобразить его фигуру в облике кобзаря на памятнике Богдану Хмельницкому в Киеве. Но и на сей раз старания художника не увенчались успехом.

Затем он предпринял попытку поместить изображение Шевченко на памятнике Екатерине II для города Екатеринодара (снова в виде кобзаря), о чем писал другу Шевченко Ф. Л. Ткаченко:

«Там же самовольно намерен поместить украинского кобзаря — Тараса с поводьями-хлостом. Таким образом, я намерен с помощью божьей окончательно на веки веков увековечить память нашего с вами незабвенного друга».

Увы, Микешин не дождался открытия этого памятника, выполненного, к сожалению, с некоторыми отступлениями от первоначального проекта (не было сохранено и сходство кобзаря с обликом Шевченко).

До последних дней Микешина не покидала мысль о памятнике великому поэту к пятидесятой годовщине его смерти. Дождаться этой даты ему не было суждено.

В письме к Ткаченко мы находим и другой замысел Микешина:

«Чтя благоговейно память

поэта и друга своего, многим ему обязанный в своем художественном и нравственном развитии, вознамерился предпринять во славу его имени обширнейший и ответственный святой труд издать в полном объеме все из творчества Шевченко возможное для цензурных условий печати — в иллюстрированном виде, с приложением факсимиле со всех его собственных рисунков, а также воспоминания о нем современников и друзей, а также и всех музыкальных произведений разных композиторов на его тексты».

Микешин неоднократно говорил об этом и своим друзьям, и друзьям Шевченко.

Смерть настигла художника, когда он иллюстрировал «Кобзарь».

ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ часть своих рисунков Шевченко передал Микешину для хранения, а если представится возможность, то и для напечатания.

Микешин до самой смерти был бессменным организатором и руководителем ежегодных «Поминок батька Тараса». Выставлялись для обозрения рисунки Шевченко. Микешин рисовал большой портрет поэта для сцены (в 1894 году он написал большой, трехметровый, портрет бандуриста). На поминки, по его приглашению, приходили лучшие артисты, певцы и декламаторы.

Вместе с Д. Мордовцевым, Д. Менделеевым, И. Репиным, А. Пыпиным, М. Чайковским, Д. Яворницким, К. Рерихом Микешин был одним из учредителей и организаторов общества по вспомоществованию нуждающимся студентам, выходцам с Украины, обучавшимся в учебных заведениях столицы.

В феврале 1894 года газета «Время» сообщила: «Академик императорской Академии художеств М. О. Микешин на днях представил г. министру внутренних дел на утверждение свой проект устава СПб Общества им. Т. Г. Шевченко с отделениями в Киеве и Харькове». Как сообщалось далее, главная цель общества — способствовать развитию народного образования путем устройства начальных школ и популярных чтений.

А в 1895 году газета «Киевлянин» (№ 112) поместила такое сообщение: «Известный художник М. О. Микешин заканчивает иллюстрации к сочинениям Шевченко... и предполагает в непродолжительном времени приступить к изданию иллюстрированного издания сочинений Шевченко».

Увы, при жизни Микешина издательство Бабкина выпустило лишь один из предусмотренных двадцати выпусков «Иллюстрированного Кобзаря Шевченко». Здесь были помещены рисунок «Думы мои, думы мои» и девять рисунков работы Микешина к «Екатерине».

ПРОЕКТЫ памятников с изображением Шевченко, иллюстрации к его произведениям, участие в создании Общества имени Т. Г. Шевченко, портреты для «Поминок батька Тараса» и вечеров его памяти — далеко не полный перечень сделанного Микешиним по увековечению памяти великого сына украинского народа.

По справедливому словам современника, он держал в руках «золотой шнур от колокола во славу Тараса».

Петр КРАПИВА.

Ирпень
Киевской области.